

Ли Жань исчез, а значит, и им пора было двигаться дальше.

Кака брел сам не свой, без конца бормоча под нос имя Отшельника Попутного Ветра. По идее, после гибели тот должен был благополучно возродиться, однако в списке друзей его портрет оставался тусклым и безжизненным. Прошло уже столько времени, а Отшельник Попутного Ветра все не возвращался в игру. Кака изнывал от беспокойства.

— Так не пойдет! — Кака решительно засучил рукава и упрямо зыркнул на спутников. — Я должен выяснить, что стряслось!

Су Линцзюнь бережно прижимал к себе каменного орла. Красавец первым переправил его на ту сторону, затем помог Да Данцзя. Сам же остался напоследок. Взмахнув клинком, он в несколько ударов перерубил толстые лианы — единственную лестницу, ведущую в долину. Зеленые плети с глухим шорохом рухнули в бездонную пропасть.

Когда Красавец перепрыгнул расщелину и присоединился к остальным, Кака был уже на грани безумия. Не держи его Да Данцзя мертвой хваткой, этот безумец наверняка натворил бы глупостей.

— Я иду искать Суйфэна! — вопил Кака, капризничая, точно ребенок, у которого отобрали сладость.

— Решил свести счеты с жизнью? — лениво поинтересовался Су Линцзюнь.

— Ну да, да! То есть нет... Самоубийство — это не то... Короче, мне нужно как-то умереть, чтобы проверить, что с ним! Ни весточки, ни слуху... Если бы я не затащил его на это дурацкое задание, он бы не погиб. Это ведь я его пришиб... — Кака сокрушенно ерошил ладонью лысый затылок, утопая в раскаянии.

Су Линцзюнь лишь холодно усмехнулся. Он бережно опустил каменного орла на землю, обнажил клинок и под потрясенными взглядами спутников безжалостно обрушил на Каку технику «Пронзающий луну». Тот хоть и жаждал смерти, но тело среагировало само: повинаясь чистому инстинкту, он выставил блок. Ладонь, налитая сокрушительной внутренней силой, намертво зажала лезвие. Су Линцзюнь нахмурился и попытался высвободить оружие, но тщетно — клинок словно в тиски зажали. Кака славился именно этой чудовищной силой: никаких изысканных приемов, только чистая мощь, делавшая его идеальным бойцом. Неудивительно, что Отшельнику Попутного Ветра хватило всего одного его удара, чтобы испустить дух.

— Я ведь от чистого сердца хотел помочь тебе отправиться на перерождение, а ты мне всю руку отбил, — Су Линцзюнь вздохнул, потирая запястье.

Кака мгновенно сдулся и заканючил:

— Предупреждать же надо! Нападать исподтишка нехорошо. Ладно... давай, рази. Только руби наотмашь, побыстрее, чтобы голова сразу слетела, а не болталась на коже.

С этими словами он зажмурился, покорно ожидая удара.

— Эй, стойте, вы чего! — прикрикнул Да Данцзя.

Но Су Линцзюнь даже ухом не повел. Клинок свистнул в воздухе и ровно лег на шею Каки. Раздался глухой свист, и круглая бритая голова покатилась по траве далеко в сторону. Спустя пару секунд тело и голова растаяли в воздухе.

Глядя на невозмутимого Су Линцзюня, Да Данцзя лишь утер холодный пот. Возражать было бессмысленно — оставалось только смириться. Красавец же, напротив, довольно сощурился и хлопнул Су Линцзюня по плечу:

— А ты хорош, Эрню! Прямо как мой третий брат. Хотя, конечно, до его красоты тебе как до луны пешком!

— Хм.

Су Линцзюнь сухо хмыкнул и зашагал прочь. Но именно это высокомерное фырканье и то, как он развернулся, заставили Красавца еще сильнее укрепиться в своем подозрении: сходство со старшим братом было просто поразительным.

Горы Яньдан

Над этим краем будто никогда не всходило солнце. На рассвете небо окрашивалось в унылый, грязно-серый цвет. Пронзительный ветер гнал по ущельям холодную изморось.

Днем Лянь Уцзю изнывал от скуки. В палатке делать было совершенно нечего, и он часами сидел на одном месте, безучастно глядя в хмурое небо. В такие минуты он невольно проникался сочувствием к Мужун Цзюню — каково это, коротать вечность в полном одиночестве? Да еще и там, где день никогда не сменяет ночь.

К его изумлению, на четвертый день одиночества из тумана соткался силуэт Отшельника Попутного Ветра, который, по идее, должен был сейчас находиться в Долине Бабочек.

Лянь Уцзю не влюбил Отшельника Попутного Ветра с первой же встречи. И хотя теперь у него появился попутчик, юноша предпочел бы остаться один. Нахождение рядом с молчаливым Отшельником Попутного Ветра тяготило его, заставляя чувствовать себя как на

иголках.

Раз уж Отшельник Попутного Ветра пришелся ему не по душе, Лянь Уцзю и не думал заводить беседу. Отшельник Попутного Ветра тоже не стремился к общению: вернувшись в палатку, он тут же укладывался спать, а во время трапезы каждый молча жевал свою скудную еду, демонстративно игнорируя соседа.

С приходом ночи явился Мужун Цзюнь. Завидев Отшельника Попутного Ветра, призрак на мгновение оживился, но тут же вновь помрачнел. Сорвавшимся, бесцветным голосом он принялся расспрашивать Отшельника Попутного Ветра о Долине Бабочек, но тот лишь обронил короткое:

— Давно мертв.

И более не проронил ни слова.

Мужун Цзюнь, конечно, понимал, что Лю Ханьсину не выжить, но услышать подтверждение своими ушами оказалось невыносимо. Словно вновь переживая миг утраты, он завыл на луну — так истошно и дико, что у сидевших в палатке едва не лопнули барабанные перепонки. К счастью, безумие вскоре отпустило его. Призрак затих и больше не донимал Отшельника Попутного Ветра вопросами, лишь безучастно сидел у кромки воды, уставившись в пустоту.

На следующий день, после полудня

Лянь Уцзю с трудом разжевывал черствую лепешку, запивая ее ключевой водой, когда прямо перед ним из воздуха соткалась приземистая фигура. Это был давешний Кака.

— Суйфэн! — взревел Кака.

Словно не замечая присутствия Лянь Уцзю, он рыбкой бросился к сидевшему на лежанке Отшельнику Попутного Ветра. В его круглых глазах блестели слезы облегчения. Он смотрел на Отшельника Попутного Ветра с такой немой обожающей преданностью, будто встретил родную мать после долгих лет разлуки.

— Не подходи, — недовольно буркнул Отшельник Попутного Ветра, выставив вперед рукоять мухобойки-пыльника и уперев ее в грудь Каки.

Тот послушно замер на месте. Отшельник Попутного Ветра закрыл глаза, погружаясь в медитацию, а Кака, не смущаясь холодным приемом, принялся безудержно тараторить обо всем на свете, брызгая слюной от избытка чувств.

Еще одна ночь

— Вот твой лекарь Лю, — ровным голосом произнес Су Линцзюнь, протягивая Мужун Цзюню каменного орла.

Бледное, призрачное лицо Мужун Цзюня исказилось. В его чертах боролись неверие, гнев и глубокая, рвущая душу скорбь.

— Это действительно он! Ли Жань с огромным трудом оторвал его от сердца, так что даже не думай сомневаться. Не веришь — вернем обратно. В конце концов, Ли Жань хотя бы любил его искренне, — Красавец презрительно скривился, смерив призрака уничтожающим взглядом.

Мужун Цзюнь округлил глаза:

— Ли Жань? Но как это возможно...

— А почему нет? Он тоже человек и имеет полное право любить лекаря Лю. Если выбирать между ним и тобой, окольцованным трупом, я бы точно отдал голос за Ли Жаня. Лю Ханьсин — просто дурак: под носом было сочное мясо, а он все заглядывал в чужой котел на объедки. Тьфу, тоска! — Красавец поднялся на ноги и нетерпеливо прикрикнул: — Верь не верь, а вещь заberi. Мне не улыбается ночевать сегодня в этой сырости.

С этими словами он бесцеремонно выхватил из рук Су Линцзюня каменную птицу и сунул ее призраку. Мужун Цзюнь растерянно потянулся навстречу, но не успел он опомниться, как его пальцы прошли сквозь камень. Орел выскользнул, ударился о берег и с плеском покатился в воду...

Раздался всплеск. Все застыли в оцепенении.

Мужун Цзюнь опомнился первым и бросился в воду. Но сколько бы он ни пытался ухватить злосчастную статуэтку, ладони раз за разом проходили сквозь камень, не встречая ни малейшего сопротивления.

— И что теперь делать? — вздохнул Су Линцзюнь, доставая орла из воды и глядя на потерянного призрака.

Мужун Цзюнь стоял посреди ручья, оглушенный случившимся. Услышав вопрос, он медленно поднял взгляд:

— Это действительно Ханьсин? Даже если он не переродился, у него должна быть душа. А если

это душа... почему я не могу к ней прикоснуться?

— Да как до тебя не дойдет! Он стал лекарем в игре, его душа сейчас запечатана в этом теле. Придумай сам, как его расшевелить.

— Я... — Мужун Цзюнь уставился на каменное изваяние. Слова застряли у него в горле.

— Вот, держи. Это было зажато в его руке, когда он умирал, — Су Линцзюнь протянул ему серебряную шпильку.

Мужун Цзюнь потянулся к шпильке, но призрачные пальцы вновь рассекли воздух. Он бессильно опустил руки и глухо вздохнул:

— Это подарок Лю Ханьсина... Когда мы назвались братьями, то заказали две одинаковые. Его шпилька затерялась, когда его схватили люди из Дьявольского культа... А моя...

— Этот самый орел сорвал ее с твоего тела после твоей смерти и принес лекарю.

— Ханьсин... — прошептал призрак.

— Говорят, увидев ее, он проплакал весь день. Все порывался уйти на твои поиски, хотя бы ради того, чтобы отыскать труп. Но Ли Жань не пустил его. Ли Жань любил его не меньше твоего, но куда честнее. Если любишь — говори прямо. Ты же молчал, вел себя как последний трус. Что, гордость и положение не позволяли признаться?

— Нет... все не так... Мы были названными братьями...

— Твое дело. Нам-то что с того? Раз эта безделушка бесполезна, незачем ее хранить.

Су Линцзюнь замахнулся и с силой запустил каменного орла в небо. Фигурка описала высокую дугу и скрылась из виду.

— Ханьсин! — истошно закричал Мужун Цзюнь.

Он рванулся вслед за улетающим камнем, но даже это простое желание было для него неосуществимо.

Статуэтка исчезла в серой дымке. Прошло несколько долгих, тягучих мгновений, и вдруг там, куда она упала, сооткался тонкий белый силуэт. Фигура двигалась неловко и неуверенно, точно ребенок, делающий свои первые шаги. На глазах у изумленной компании этот неуклюжий призрак пошатнулся, не удержал равновесия и с тихим вскриком покотился в траву.

— Ханьсин... — Мужун Цзюнь застыл с какой-то безумной улыбкой.

Спотыкаясь и раскинув руки, он со всех ног бросился к белой фигуре. Тот едва успел приподняться на локтях, как Мужун Цзюнь с разбегу налетел на него, вновь повалив на землю.

Высокая, по пояс, трава скрыла их от чужих глаз. Чем там занимались эти двое — одному богу известно.

Впрочем, Су Линцзюнь не сомневался: на этот раз у Мужун Цзюня не повернется язык назвать их «просто братьями». Братья не целуются до беспамятства, катаясь в траве, и не сжимают друг друга в объятиях так, словно весь мир перестал существовать.

Хмыкнув, Су Линцзюнь с легким раздражением покосился на Красавца, который вовсю кланчил у Да Данцзя какую-то еду. Он мотнул головой, схватил за руку Лянь Уцзю, бесстыдно пялившегося на копошащиеся в кустах силуэты, и потащил его прочь от этой шумной компании.

<http://bllate.org/book/18276/1759272>